

К НОВЫМ ВЫСОТАМ МАСТЕРСТВА

Второй раз выданы таджикские писатели свои творческие достижения на суд всесоюзной общественности. В 1941 году на приеме участников декады таджикского искусства руководители партии и правительства, товарищ Сталин высоко оценили достижения таджикского народа.

С тех пор прошло восемь лет. В годы Великой Отечественной войны таджики проявили беззаветную преданность матери-Родины. Не померкая в веках героизм таджиков — Героев Советского Союза — главы с Гуйчи Эридонишом, повторившим подвиг Матросова. Выразить в художественном слове героическую душу своего народа, вдохновить его на новые подвиги на фронте и в тылу — такова была задача, стоявшая перед таджикскими писателями в эти грозные годы. И писатели создали ряд значительных произведений, полных патристического звучания. Таковы повесть С. Айна «Герой таджикского народа», поэма М. Турсун-заде «Сын Родины», стихи А. Дехоти и стихи М. Рахима — об обороне Ленинграда, военные очерки и рассказы Ф. Язани.

Послевоенная жизнь республики, советские люди — строители коммунизма должны были найти отражение в творчестве писателей.

Постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам были могучим фактором нового подъема таджикской культуры и литературы. В прошедшую декаду таджикские писатели отчитывались в Москве перед лицом всей советской общественности в сделанном для своего народа, для партии, для страны.

Мы приехали не только для того, чтобы показать свои достижения, — говорили М. Турсун-заде, — мы приехали для того, чтобы выслушать деловую критику и советы наших строгих и добрых друзей — москвичей, так как без их содействия, без помощи русских писателей немалым дальнейший рост таджикской литературы.

Творчество таджикских писателей вызвало глубокую заинтересованность писателей Москвы. Несколько дней в Союзе советских писателей СССР проходила дискуссия отдельных произведений таджикской литературы, в которых приняла участие виднейшие русские писатели. По вечерам участники декады выступали на крупнейших предприятиях, в учебных заведениях, клубах.

М. И. Калинин принадлежат замечательные слова:

«Проводя советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории нашего народа. Она должна быть наполнена патристической гордостью за деяния своего народа...»

С каким восторгом раскопанные народы восстанавливают в памяти образы своих эпических и исторических героев. Они отбрасывают их в своих лучших художественных произведениях, которые ведут нас к Москве — сердце советских республик, где каждый из нас хочет как бы сказать всем народам СССР: смотрите, я являюсь не из чужей-то милости членом великого народа, а не человек без роду и племени, — вот моя родословная, которой я горжусь, и хочу, чтобы в вы, мои братья по труду и по защите лучших идеалов человечества, полюбовались моей родословной!»

Таджикские писатели по праву гордятся своей родословной. Они привезли в Москву на декаду вышедшую в Сталинабаде на русском языке серию книг классиков таджикской литературы — Фирюзи, Омар Хайяма, Носир Хероу, Бедля и других. Но еще большее чувство гордости вызывают у литераторов Таджикистана их славы современники — советские люди, деятели социалистического общества. Таджикские писатели доказали, что они умеют создавать произведения, достойные новой, социалистической эпохи.

Декада показала несомненный рост и зрелость одного из передовых отрядов нашей многонациональной советской литературы.

Имя основоположника таджикской советской литературы Садрриддина Айна широко известно многонациональным кругам советских читателей. Маститый писатель завоевал из любви своим романами и повестями, блистательным миром жизни и рабства, рисующими картину возрождения таджикского народа в советское время. В декабре Айн выпустил два тома своих «Воспоминаний», единодушно оцененных москвичами, как выдающееся художественное произведение.

План издательства Академии наук СССР

Тематический план выпуска научной литературы в 1950 году содержит 635 названий книг — 15 000 авторских листов, — сообщил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» директор издательства Академии наук СССР А. Назаров. — Это на 139 названий больше плана текущего года.

Увеличивается выпуск трудов классиков отечественной науки. Выйдут два тома нового пятнадцатитомного собрания сочинений М. Ломоносова, завершитесь 24-томное издание трудов Д. Менделеева, будет переиздано все собрание сочинений И. П. Павлова. Продолжится выпуск собрания сочинений В. Докучаева, П. Чебышева, В. Комарова, А. Байкова. Намечены к изданию собрания сочинений Н. Миклуковича, М. Марра, К. Циолковского, Т. Лысенко, А. Баха и других выдающихся деятелей отечественной науки.

Большое место в плане занимает раздел «Классики литературы». Дополнительным 50-тысячным тиражом будет отпечатано десятитомное собрание сочинений А. Пушкина, выйдет указатель к его академическому 16-томному собранию сочинений. Выйдут три новых тома академического собрания сочинений Н. Гоголя в одновременно начнется выпуск его массового десятитомного собрания сочинений. Издается произведения В. Беллинского и Г. Успенского.

По разделу литературы в языке будут изданы очередные тома «Словаря современного русского литературного языка», два

По тематике, по широте обобщения, по характеру создаваемых образов таджикская литература навсегда покончила с национальной ограниченностью, культивировавшейся в прошлом остальными слоями интеллигенции.

В прозе это сказывается, например, в том, что рядом с таджиками в книгах живут и борются представители других советских национальностей, в первую очередь любимого русского народа. Молодой воин Сафар из повести Ф. Язани «Верность» защищает Сталинград. Он говорит русскому бойцу: «Давай же поцелуемся!.. Ты — сталинградец, я — сталинградец!.. Оба наши города носят имя Сталина!»

В поэзию широко вошла тема борьбы за мир, за счастье простого человека, тема борьбы с поработителями всех мастей.

Я счастлив... Но мучаюсь мукой другого народа.

Он в собственном доме стоит, словно индий у входа...

— говорит Мирзо Турсун-заде в получивших всенародное признание стихах об Индии.

В поэзии отмечались также достижения поэта М. Миршакара, Ашримата Назарова, молодого, начинающего поэта А. Шукхи и других.

Пожалуй, самым радостным является факт утверждения в таджикской литературе прозы, в прошлом наиболее слабого звена во всех литературах восточных республик. К декаде на русском и узбекском языках опубликованы романы Джаалола Якима «Шола» и Рахима Джаалила «Пул и Гульру», повесть Фатеха Язани «Верность». При всех отмеченных при общении недостатках, это — полноценные произведения, свидетельствующие о том, что таджикские писатели успешно овладевают методом социалистического реализма.

Свойственный таджикской литературе высокий идейный и художественный уровень делает ее верным помощником партии в деле коммунистического воспитания советского народа, надежным оружием в борьбе сил демократии против империализма и реакции.

У таджикской литературы много достижений, но немало еще и незавершенных задач стоит перед ней.

Проза в республике по праву начинает занимать ведущее место. Однако далеко не все возможно сделано еще в этой области. Почти не развиты новые формы — рассказы, очерк. Рабочий много типа, интеллигент, народный учитель еще остаются вне поля зрения писателей. Да и образ современного колхозника — культурно-творческого человека — не отражен еще в литературе с должной полнотой.

Идет своего выражения в литературе борьба с пережитками прошлого в сознании людей и в быту. В поэзии еще не создан образ героя нашего времени — строителя коммунизма.

Осуществление этих задач неразрывно связано с повышением уровня писательского мастерства, с совершенствованием советской национальной формы.

Отстающим участком является драматургия. В этом жанре, по существу, за последние годы не создано ни одного значительного произведения. А ведь постановление ЦК ВКП(б) указывало на серьезные недостатки, свойственные и таджикской драматургии.

Медленно развивается детская литература. Кроме отдельных стихов М. Миршакара, поэты республики не создали почти ничего значительного для детей.

В большей мере в поэзии, но порою и в прозе дает себя знать некритическое следование канонизированной, устаревшей поэтике, «железасцинизм». Совершенно неуместны в советское время. Новы, которые еще ценятся за обетательные «традиции», за средневековые штампы и аллегории, за формалистические трюки, безнадёжно отстают от богатых поступки своего социалистического народа.

Литературная критика, как отмечалось во время декады, по существу, отсутствует. Союз писателей Таджикистана должен заняться воспитанием кадров критиков, созданием принципиальной партийной литературной критики в республике.

Осуществление принципа большинства партийности литературы, овладение художественным мастерством, серьезная учеба у русской литературы обеспечат дальнейшие успехи и творческий рост советской таджикской литературы. Прошедшая декада, несомненно, явится серьезной веткой этого роста.

Издавая, измененные по разделу истории и философии, трактуют теоретические основы мичуринской биологии, вопросы современного естествознания, освещают борьбу материализма против идеализма в современной физике. Начнется издание многотомных трудов: «История СССР», «История М. Жыны», «История русского искусства». Готовится сборник «Против буржуазной фальсификации искусства и искусствознания».

По разделу экономики и права будут напечатаны коллективные работы — «Вопросы государственного и права стран народной демократии», «Правовая теория и практика на службе американского империализма» и ряд монографий, посвященных вопросам экономики и права социалистического государства.

Расширится план выпуска массовой научно-популярной литературы.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОГДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГАЗЕТА

№ 80 (2567)

Среда, 5 октября 1949 г.

Цена 40 коп.

Анна САКВЕ

Колхозная Латвия

Сегодня, когда свыше восьмидесяти процентов крестьянских хозяйств Латвии объединились в колхозы, мне вспоминается осень 1944 года, когда вслед за Советской Армией я возвратилась в родной край. Угнетенные фашистами крестьяне, только что вернувшиеся домой, робко спрашивали меня: «Ну, а как же теперь будет с колхозами?» Я выглядела сомневая в их глазах и отвечала: «Как решите, так и будет, но скоро вы сами захотите объединиться».

Партия большевиков, советскому активу пришлось провести грандиозную разъяснительную работу, чтобы прежде всего развеять ложь, которую наткали вокруг колхозов буржуазные и фашистские лагуны, а потом пойти в наступление на слухи, вымыслы, на крестьянский консерватизм, на контрреволюционное кулачество.

Сотни лет крестьянин из поколения в поколение привык говорить: моя земля, моя лошадь, моя корова. Межвые столбы не только свято стерегли неприкосновенность собственности прав на землю, — они натравливали собственников друг против друга: за межой, мол, твой конкурент на рынке; а хорошо было бы, если бы он обменялся, тогда ты мог бы отодвинуть этот столб дальше, присоединить его поле к своему... Межи и межевые столбы! Они порождали и корысть, и зависть, и вражду между соседями, иногда даже на несколько поколений, они подымали брата против брата, сына против отца. Но самое уродливое, что породило собственническое право на землю, — это порабощение человека человеком.

Обо всем этом я думала в ту осень, беседуя с земляками.

И вот через два года после этой нашей беседы нашлись смелые пионеры, которые организовали первый колхоз. Это были одиннадцать крестьянских семейств в Шклявской волости Елгавского уезда. Объединившись, они дали своей артели поэтическое и пророческое название — «Накоте», что значит «Бузуме», как бы предвещая путь всей латвийской деревни.

В то время я работала над своим романом «В гору», и перед тем как поставить точку, мне надо было встретиться с людьми, которые уже победили в себе слухи, привычки, уничтожили межевые столбы и повернули свои взоры в будущее. Я встретила их на уездной сельскохозяйственной выставке, где они дежурили у стенда своей артели. Трудно было к ним попасть, потому что у этого стенда весь день толпился народ. Люди пристально, внимательно осматривали экспонаты, перечитывали таблицы с цифрами.

Мне вспоминаются сейчас лица первых латвийских колхозников — серьезные, напряженные, даже упрямые. Люди сознавали, какая ответственность лежит на их плечах, — ведь вся республика смотрит на них, и от того, какими будут первые итоги их работы, в какой-то мере зависит все колхозное движение в Латвии. Но они были уверены в своих силах и в своем будущем.

Крестьянин Миллер, с которым я тогда разговаривала, в конце разговора признался: «Скажу откровенно: в колхоз я вступил с определенными сомнениями. Дело было новое... Но сейчас пусть мне предлагают самое образцовое частное хозяйство, я не пойду. И я стою и умру за колхоз».

Вот какие преобразования в душе человека совершал даже неполный год коллективной работы. Существование первого колхоза в Латвии, о которой мудрецу-

ше резонеры все время говорили, что «у нас коллективизация невозможна, у нас хуторская система, у нас крестьяне не привыкли работать сообща, у нас нет таких просторов, как в России, на Украине», существование колхоза в хуторской, непросторной Латвии на глазах у всех латвийских крестьян и первый великолепный урожай этого колхоза опрокинули все вешние возражения против колхозов.

Писатели вообще не любят говорить языком цифр, но бывают цифры, которые выразительнее самых поэтических слов. Цифры рассказывают, что в буржуазной Латвии половина всей земли обрабатывалась руками батраков, которые год от года проливали пот на чужих полях, выращивали и убрали золотистую пшеницу, сами получая горькую краюху черствого хлеба, выхаживали и доили чужих коров, сами получая чашку сыворотки. Вот эти люди, разлившие и пролившие значительную часть своей жизни бесправными рабами, при советской власти впервые познали достоинство человека. Впервые заработанное их руками стало их своим. Недаром старая мать колхозницы тов. Рога («Накоте») заплакала от радости, когда дочь привезла за свои 400 трудодней 5 тонн пшеницы и ржи и много других продуктов, да еще 4000 рублей деньгами — богатство, о котором в буржуазной Латвии, работая втроем, они даже не смели мечтать.

Колхозы сами себя пропагандировали. Они собирали урожай гораздо больше, чем давала та же земля когда-либо раньше и чем собирали находившиеся рядом помещичьи хозяйства. Партия и советское правительство с настоящей сталинской заботой направляли в помощь молодым колхозам тракторы, автомашины, самоходные сенокосилки... Братская помощь других советских республик и общал свободная работа вдохновляли колхозников Советской Латвии на трудовые подвиги. Во многих колхозах организовывались комсомольско-молодежные звенья высокого урожая, и Артуру Чиксте из колхоза «Накоте» уже присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда за то, что он со своим звеном с 12 гектаров собрал по 30,3 центнера зерна с гектара. Герой Труда — такия можно стать только в Советском Союзе, только при социалистическом строе.

Итого работы первых колхозов — в конце прошлого года их было уже 800 — совершили переворот в душе крестьянина. Весной нынешнего года началась массовая тяга в колхозы.

В феврале я получила письмо от девушки Ольги В., ученицы Саудуской средней школы. Она пишет: «Сегодня для меня самый радостный день. Приехал мой отец из деревни. Говорили о том, о сем, и вдруг он сказал: «Да, теперь я записался в колхоз, и даже первым, и теперь уговаривает и своих соседей!»

А потом эта же девушка мне писала: «Теперь наш колхоз «Зерна» — самый лучший в волости... Мой отец так же тщательно обрабатывает колхозные поля, как раньше свои, и очень сердится, если кто-нибудь из-за ленивости или неумения оставляет недосеянную борозду. А моя мама с такой же любовью ласкает колхозных телят, как раньше свою «Вриуту». И не только мои родители таковы. Таких уже много...»

Таких примеров сотни и тысячи. Колхоз, который раньше пугал своим неизвестностью, стал родным и близким.

Декада таджикской литературы закончилась

В ПРЕЗИДИУМЕ ССР СССР

Вчера на заседании Президиума Союза советских писателей СССР были подведены итоги декады таджикской литературы в Москве.

Л. Климовин рассказал о том, как прошла декада. Выступивший затем М. Турсун-заде отметил, что дни декады в Москве явились для таджикских писателей большой творческой школой. М. Турсун-заде поблагодарил москвичей и русских писателей за горячий прием и дружескую помощь.

Секретарь ЦК КП(б) Таджикистана тов. Т. Пулатов подчеркнул всенародный характер декады таджикской литературы в Москве. Творческое общение с русскими писателями поможет таджикским писателям создать новые высококачественные произведения о нашей героической современности.

ОБСУЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА УЧАСТНИКОВ ДЕКАДЫ

Днем 1 октября в ССР СССР продолжилось обсуждение таджикской поэзии. С. Кирсанов говорил о новаторском значении творчества М. Турсун-заде. М. Матушевский, разбирая поэмы М. Миршакара «Золотой кишлак» и «Люди с крыш мира», отметил, что труд в них показан выразительно и конкретно. Говоря о стихах Р. Озод, М. Матушевский подчеркнул, что в творчестве как и в творчестве М. Рахима, видна успешная борьба нового способа стихосложения со старым.

Выступавшие отмечали хорошую работу русских переводчиков — С. Линкина, В. Державина, А. Аляева, В. Кириллова.

— Для таджикской советской литературы долгое время было характерно поражение классическим поэтам. Таджики должны были совершить гигантский скачок от феодальной поэзии к социалистическому реализму, минуя другие ступени литературного развития. Это стало возможным только благодаря влиянию русской классической и советской поэзии, — сказал М. Турсун-заде.

Борьба за реализм особенно обострилась в таджикской литературе после постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Однако и сейчас еще у некоторых поэтов наблюдается тенденция к застою в традиционных формах, архаической лексике, устаревшим эпитетам.

На заседании выступили В. Кожевников, И. Братский, П. Скоксырев, С. Городецкий.

В заключение Б. Горбатов подчеркнул необходимость закрепить достижения декады таджикской литературы рядом практических мероприятий, в частности, изданием книг классиков и современных писателей Таджикистана на русском языке в Москве.

На заседании Президиума были вручены почетные грамоты Верховного Совета Таджикской ССР московским писателям и переводчикам, принявшим активное участие в подготовке и проведении декады таджикской литературы в Москве. Участники декады подарили Союзу советских писателей СССР большой художественно вытканный ковер с изображениями А. Пушкина, М. Горького и В. Маяковского.

Е. Климовин, разбирая поэму А. Лахута «Пери счастья», заявила, что в ней особенно ярко выразилось несоответствие старинной формы революционному содержанию.

В заключительном слове В. Инбер отметила, что обсуждение таджикской поэзии прошло плодотворно.

На обсуждении выступили также А. Лахута, М. Миршакар, Н. Кладко, С. Солдатов, С. Малашикин, Н. Сидоренко, Л. Климовин, Г. Шенгели и другие.

Комиссия по детской и юношеской литературе и бюро национальных комиссий ССР СССР организовали обсуждение таджикской литературы для детей. Доклад сделала М. Явич.

В обсуждении приняли участие М. Миршакар, Толис, А. Барто, К. Улуг-заде, А. Кравченко, В. Смирнова, М. Урнатов. С. Маршак очень высоко оценил книгу С. Айна для детей, особенно повесть «Школа». С. Маршак говорил также о качестве переводов детских стихов таджикских писателей на русский язык.

Детская литература в Таджикистане только начинает развиваться. Задача ведущих писателей республики — подарить юным гражданам интересные патристические книги.

Советская делегация деятели культуры в Пекине

ПЕКИН, 4 октября. (ТАСС). Агентство Синьхуа передало ряд сообщений, рассказывающих о пребывании в Пекине советской делегации деятелей культуры, возглавляемой писателем Александром Фадеевым. Состоялись встречи представителей советской культуры с представителями китайской общественности. На одной из таких встреч делегацию приветствовали Чжоу Энь-лай и Го Мо-жо.

«Сегодня, — сказал Го Мо-жо, — мы обладаем полной уверенностью и силой для того, чтобы крепить мировую лагерь мира и демократии, возглавляемый Советским Союзом, и отстаивать прочный мир во всем мире».

С ответом от имени советской делегации деятелей культуры речь проишет Александр Фадеев.

Культура

Польского села

ВАРШАВА. Центральный совет Объединения польских профсоюзов ассигновал на проведение культурно-массовой работы в селах 100 миллионов злотых. Эти деньги будут расходованы на закупку книг для 400 сельских библиотек, на оборудование изб-читален, приобретение музыкальных инструментов для сельских коллективов художественной самодеятельности и на организацию курсов подготовки культурно-массовых работников.

Культура польского села находится сейчас на подъеме. Так, например, в одном только Ольштынском воеводстве в этом году открыто 17 уездных и 67 сельских библиотек, имеющих около 200 тысяч книг. В воеводстве насчитывается 858 изб-читален, при которых работает 145 драматических и 25 музыкальных кружков.

Широкую культурно-просветительную деятельность развернуло Общество польско-советской дружбы. Помимо центральной библиотеки русской классической и советской литературы в Варшаве, общество организовало 15 воеводских и 80 уездных библиотек, открыло много книжных магазинов, распространяющих сотни тысяч советских книг и обсуждающих десятки тысяч подписчиков на советские издания.

На трассе канала

Дунай—Черное море

БУХАРЕСТ. Широко развернулось сооружение канала Дунай—Черное море. На всей трассе от города Черновоза на Дунае до мыса Мидия на Черном море возмална строительные площадки.

На земляных работах применяются советские машины, что значительно облегчает рытье и транспортировку грунта. Организация Гуманской рабочей партии, созданные на трассе канала, проявляют доклады, популяризирующие передовые советские методы труда.

На площадках трассы оборудовано 13 первых библиотек, снабженных разношерстными книгами. Для неграмотных рабочих открыта школа ликбеза в районе мыса Мидия. В селеции Канара на двадцать дней раньше срока закончено строительство зрительного зала.

С 1 сентября на трассе строительства выходит печатная газета «Банал Дунай—Черное море».

Надо упорядочить

рассылку учебников

27 августа в «Литературной газете» была напечатана телеграмма учащихся Кольской школы Мурманской области о том, что в старших классах этой школы нет учебников. В следующем номере газеты было опубликовано сообщение о телеграмме министра просвещения РСФСР тов. П. А. Баранова Мурманскому обласно с предложением обеспечить Кольскую школу учебниками.

У читателя могло сложиться впечатление, что Кольская школа находится очень далеко и что снабжение этой школы учебниками — какая-то особая проблема. Между тем, дело обстоит не так. Поселок Кола расположен в 20 минутах езды по железной дороге от областного центра — города Мурманска. В доставке учебников в Кола из Мурманска нет никаких затруднений... Кроме одного: на областной базе Кола до сих пор отсутствуют многие учебники. Из Москвы в сентябре не поступили (ни одного экземпляра!) учебники Мишулина для 5-го класса по истории древнего мира, учебники Левченко — по химии, Баранского — по экономической географии СССР, Витвера — по астрономической географии зарубежных стран, Ефимова и Галкина — по новой истории, Тимофеева — по современной русской литературе, Воронцова-Вельямнова — по астрономии и некоторые другие. Учебников географии для 4-го класса мы получили в десять раз меньше, чем нужно.

Почему же так получается? Нам трудно исчерпывающе ответить на этот вопрос. Но не потому ли, в частности, что учебники закладываются на места без учета действительной в них потребности? Ведь это факт, что, например, учебники арифметики для 5-го класса и учебников алгебры для 6-го класса нам прислали в количестве, чем требуется, а сборник задач по тригонометрии для 8-го класса получен в таком количестве, которое в десять раз (!) превышает нашу потребность! А в это время где-нибудь в другой области жгут-не дожгут эти учебники.

Нужели нельзя навести должный порядок в снабжении школ уже готовыми, отпечатанными учебниками?

П. ЛИПАТОВ, заведующий Мурманским областным отделом народного образования

От редакции. Кроме письма тов. Липатова, в редакцию поступили сигналы из Москвы, Ленинграда, Чувашии, Горьковской, Великолукской, Тюменской и других областей о том, что в школах нет необходимых учебников. Редакция жлет от Управления отпочвой книжной торговли Главпрогфиниздата при Совете Министров СССР и Управления школ Министерства просвещения РСФСР сообщения о действенных мерах по упорядочению рассылки учебников на места.

Ветеранам труда — любовь и забота

Сталинская Конституция гарантирует всем гражданам Советского Союза обеспечение по инвалидности и старости. В этой замечательной статье находят отражение величайшие завоевания социализма, гуманизм советского строя. Социалистическое общество считает своим долгом и священным долгом заботиться о гражданах, которые по старости и состоянию здоровья не могут больше трудиться.

Двадцать два года назад, в беседе с первой американской рабочей делегацией, товарищ Сталин сказал: «Я думаю, что товарищам будет интересно, если я сообщу, что у нас в СССР на страхование рабочих за счет государства идет более 800 млн. руб. ежегодно. Было бы также не лишне сообщить вам, что рабочие у нас по всем отраслям промышленности, кроме обычной денежной зарплаты, получают еще дополнительно около одной трети зарплаты на страхование, улучшение быта, культурные нужды и т. п.»

Это было двадцать два года назад. В 1949 году на выдачу всех видов пенсий предусмотрено израсходовать свыше двадцати одного миллиарда рублей. За 22 года бюджет соцстраха вырос в нашей стране более чем в 25 раз!

Но великая забота Советского государства о своих престарелых и больных гражданах не исчерпывает, а, наоборот, предполагает постоянную заботу о них со стороны общественности и, в первую очередь, со стороны профсоюзных организаций.

1.

Первое знакомство с замечательными людьми Ивановской мануфактуры происходит у доски почта. Вглядываясь в лица тех, чей творческий труд укрепляет и воздвигает славу одного из лучших предприятий страны. Это ткачи и красильщики, мастера и инженеры, стахановцы и рационализаторы производства. Вот известная всей стране Наталья Иришова, которой присвоено звание лучшего мастера Ивановской области. Вот ткачиха Анна Зыкова, выполняющая план на 120—140 процентов. Бравышамка нечего сказать, когда проходит проверку ее продукция. Вот маршальша Валентова, марширует красавицей леха Шеберцова, помощник мастера Веселов...

Вдумайтесь в цифры производственных показателей на доске почта. И вам нетрудно будет представить, как миллионы метров нарядных тканей летят по рекам, текут во все концы Советского Союза...

2.

Заместитель председателя фабричного комитета Клавдия Ивановна Молина — в недалекое прошлое сама работница фабрики, браковщица. Она хорошо знает производство, отлично знает людей. От нее услышал я о Зыковой, о ткачихе Прасковье Фокиной и о других стахановцах комбината.

— Это наши лучшие люди, — сказала Клавдия Ивановна. — Они-то и создают славу нашего предприятия.

— Мне кажется, что эти люди не созданы, — сказала я, — а приносятся к славе, которой фабрика заслуженно пользуется уже многие десятилетия.

И мы вспомнили о том, как революция, распростирав труд замечательных русских мастеров, положила начало их героическим трудовым подвигам. А потом победоносные шествия первых сталинских пятилеток. Ударничество. Социалистическое соревнование. Движение многостаночников.

— Давайте, — предложил я, — вспомним о тех передовых рабочих и работниках, которые в советское время создавали славу Большой Ивановской мануфактуры, по которым развивались остальные, ну, скажем, лет 15—20 назад. Вспомним о стариках. Некоторые из них, должно быть, и сейчас работают на фабрике, а иные состарились, получили пенсию и ушли на

В. ЛИФШИЦ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

покой. Вот о них-то мне и хотелось бы узнать. Они, вероятно, живут в Иваново, и фабричный комитет знает и помнит о них?

— Нет, — чистосердечно призналась Клавдия Ивановна, — фабричный комитет знает о них очень мало. Они ведь с уходом на пенсию исцелились в другое ведомство, в отдел социального обеспечения...

3. Нелегко удалось мне узнать, где живут бывшие рабочие и работницы, а ныне — пенсионеры и пенсионерки. Если даже в фабричном комитете нет списка этих заслуженных людей, то стоит ли говорить о том, что в отделе кадров и подавно ничего не знали. Дела стариков давным-давно сланы в архив. Адреса удалось раздобыть у пожилых рабочих, еще продолжающих работать на комбинате.

...Глинисево. Две трамвайные остановки — и вот протянулись ровные улицы рабочего поселка. Одноэтажные дома, тщательно возделанные огороды, пруссадебные фруктовые сады. Здесь много зелени, много солнца. И огающий, владимирско-ивановский говорок здесь можно услышать чаще, чем в центральных районах города.

Пенсионерка Александра Яковлевна Масникова 64 года. Она живет в собственном доме с сыном и двумя дочками. На Большой мануфактуре Александра Яковлевна начала работать в 1918 году, а до этого, в 1902-го, работала ткачихой на Бурьянской фабрике. Там же работала ее отец, две сестры-ткачихи и два брата. Александра Яковлевна и ее семья — потомственные ивановские текстильщики.

— До революции жили мы на Ямах, — рассказывает Александра Яковлевна. — Отец умер после забастовки 1905 года. С той забастовки я и стала участвовать в рабочем движении. Меня просветил тогда Петр Иванович Румянцев, ткач, боевой дружинник. Он и сейчас живет в Иваново, старик... И пропала на фабрику листовка, тайно расклеивала их, участвовала в сходках. Приходилось и в деревню посылать прокламации. Потом укрывали дружинников от расправы черносотенцев...

Она рассказывает, называет имена товарищей и подруг, глаза у нее затеблились от воспоминаний, а я думаю о том, что вот сидит передо мной человек, участвовавший в событиях, о которых люди моего поколения с благоговением читают в книгах, в кратком курсе истории нашей партии.

— В восемнадцатом году стали мы «разморяживать» ткацкую фабрику, — рассказывает Александра Яковлевна. — Мы, ткачихи, сами чистили и ремонтировали станочки. Нам за это вначале и денег не платили: не было тогда денег у государства. Это уж потом все налаживалось... А в тридцать пятом перешла я с двух станков сперва на три, в скором времени на четыре, потом на шесть и на восемь. Большим мы тогда дело сделали, по тем временам...

Я спросил у Александры Яковлевны, интересуются ли ее жизнью фабричная общественность, профсоюзная организация, в которой она состояла столько лет.

— Пока работала — интересовались. И на конференции приглашали, и в театр, и на праздники. А ушла в инвалиды — и все... Да что и говорить, у них там других забот по горло...

Она не жаловалась. Она даже хотела как-то оправдать отсутствие внимания к старикам и вот наша это оправдание в том, что на фабрике других забот по горло...

Но если не жаловалась Александра Яковлевна, то жалуются другие. Иван Васильевич Репьев расстался с фабрикой всего год назад. Ему сейчас 80 лет. Из них 60 он проработал на производстве. Это был опытный рабочий-накатчик, стахановец, которого, до последних дней его работы, уважали и почитали на фаб-

рике... Годы шли, старость не приходила. Зато в прошлом году навалилась сразу, внезапно. Заболели ноги, стало трудно ходить. Начали дрожать руки, ослабло зрение. Пришлось покинуть производство, перейти на пенсию.

Этот человек, проработавший больше полувека, человек, перед которым нужно шапку снимать, сказал мне, глядя на меня и не взирая:

— С глаз долой — из сердца вон... Стар стал — и не вспомнит на фабрике никто. Принесет почтальон пенсию — вот и все мои посетители...

Справедлива и обида Елены Андреевны Саковой, ткачихи, много лет проработавшей на фабрике имени рабочего Фелера Зинюева. Она вышла на пенсию, получила инвалидность 1-й группы. На фабрике осталась работать ее сын. В годы Отечественной войны он ушел с фабрики в армию и погиб на фронте. Елена Андреевна получает пенсию. По фабрике, на которой работала она и ее сын, никогда и ни в чем не пришла ей на помощь. Фабричный комитет не поддержал ее ни материально, ни морально!

Как это неправильно! Как это противоречит самому духу нашего советского общества, в котором забота и внимание к человеку являются естественным и непреложным законом.

Видно, на Большой Ивановской мануфактуре и на фабрике имени рабочего Фелера Зинюева, как только человек ушел с производства по старости или болезни, — он уже перестал представлять интерес, «перешел в другое ведомство».

4. Рассказ Александры Яковлевны Масниковой натолкнул меня на мысль посетить Ивановский областной музей.

В музее существуют два отдела, имеющих прямое отношение к промышленности. В первом посетитель знакомится с историей Ивановских мануфактур с момента их возникновения и до Октябрьской революции. Отдел социалистического строительства знакомит вас с сегодняшним днем ивановских текстильщиков. Даже не со вчерашним, а именно с сегодняшним.

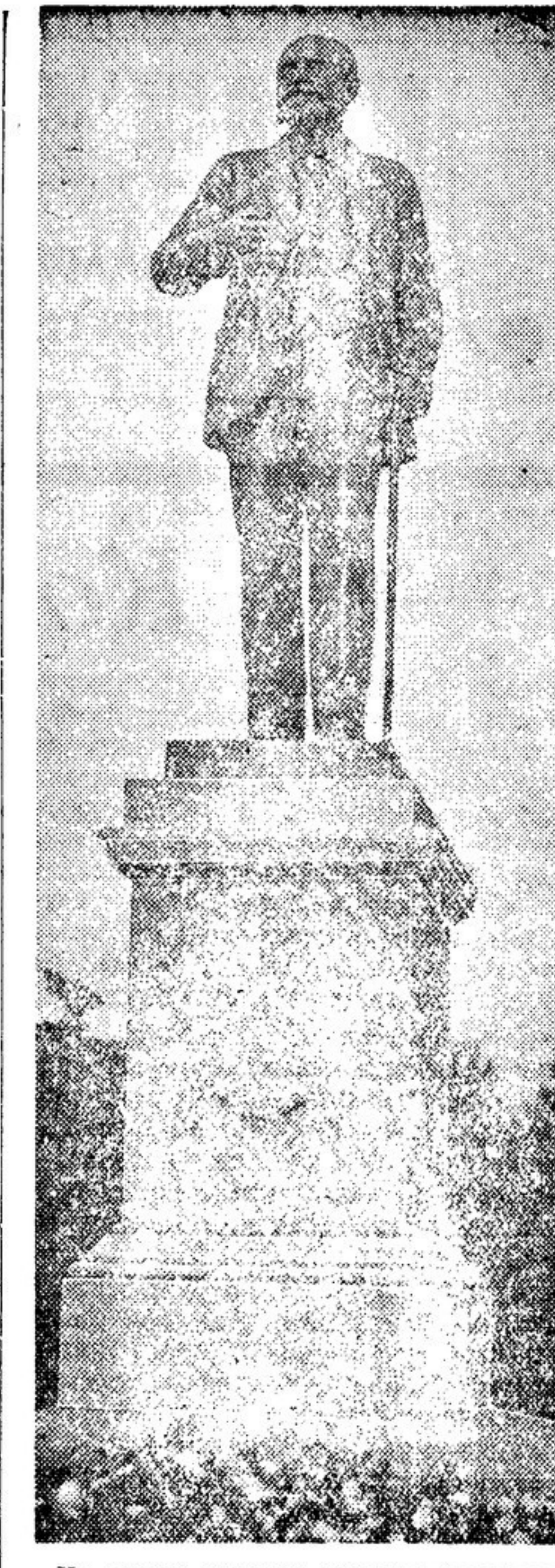
Между этими отделами — разрыв в тридцать лет. И как же лет! Советских... Нашрассо надеется вы получить в музее представление о послеоктябрьском развитии ивановской промышленности, о ее славному пути, о трудовых подвигах текстильщиц в годы первых сталинских пятилеток, в годы Великой Отечественной войны... Вы увидите здесь портрет ткачихи Е. Никитиной, добившейся отличных показателей в текущем году (и он должен здесь быть — ее портрет!), но не увидите портрета первой многостаночницы — ткачихи Черновой, без замечательного почта которой были бы невозможны и успехи Никитиной...

И совершенно понятно, что многие посетители музея, особенно старые рабочие и работницы, выражают сожаление, а порой и обиду, что музей не увековечил те славные годы, с которыми кровно связана была их жизнь.

Нельзя забывать тех, кто создавал славу производству! Их добрый совет и сегодня может пригодиться директору предприятия, инженеру, рабочему. Есть десятки и сотни способов проявить внимание к старикам. Есть возможность оказывать им дополнительную медицинскую помощь. Есть путевки в дома отдыха. Есть клубы, куда их надо приглашать. За стариком, всю жизнь проработавшим на фабрике, таким, как И. Репьев, не грех и машину прислать... Человек до конца своих дней должен опущив связь с коллективом, чувствовать его товарищескую поддержку.

Советское государство берет на себя основную заботу о престарелых тружениках, об инвалидах войны и труда. Но постоянные внимание к ним — это всесторонний долг, это священная обязанность всех наших общественных и профсоюзных организаций.

ИВАНОВО

На родине великого русского физиолога Ивана Петровича Павлова в Рязани состоялось заключительное торжество, посвященное 100-летию со дня его рождения. 1 октября свыше 15 тысяч трудящихся города, а также прибывшие сюда участники юбилейной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР присутствовали на торжественном открытии памятника гениальному ученому.

На снимке: памятник академику И. П. Павлову, сооруженный по проекту скульптора М. Манисера. Фото Я. ХАЛИПА.

Наступление на засуху

МАССОВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ГНЕЗДОВОГО СПОСОБА ПОСЕВА ЛЕСА

Начались осенние посадки леса в степных и лесостепных районах европейской части СССР. Еще весной в этих районах приступили к осуществлению великого сталинского плана преобразования природы. Лес был посажен и посажен на площади в 279,3 тысячи гектаров, что превышает весь годовой план. Осенью во многих районах посадки будут производиться уже в счет плана 1950 года.

Помимо посадок леса, нынешней осенью развернется и подготовка к работам 1950 года, план которого предусматривает новые лесонасаждения на площади в 700 тысяч гектаров. Это в два с половиной раза превышает план 1949 года! Одних только желудей для осенних посевов предстоит собрать 50 тысяч тонн.

В следующем году при создании новых лесных насаждений повсеместно, как правило, будет применяться гнездовой способ посева по методу академика Т. Лысенко, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» заместитель министра лесного хозяйства СССР тов. П. Никитин. — Этим способом минувшей весной произведены опытные посевы на площади в 2,663 гектара. Такие посевы производились, например, в лесхозах Краснодарского края, Чкаловской, Саратовской, Сталинградской и других областей. Опыт оправдался, дружные выходы леса хорошо развиваются.

Научные работы студентов

690 научно-исследовательских работ, выполненных студентами различных вузов страны, отмечены в нынешнем году премиями и похвальными грамотами Министерства высшего образования СССР. Большинство работ посвящено актуальным вопросам промышленности, сельского хозяйства и имеет практический интерес.

Приказом министерства отмечена недавно научная работа студента Ленинградского лесотехнической академии им. В. И. Кирова А. Грачева. Он разработал новую, более совершенную технологию лесопильного производства. Предлагаемые студентом многоопильный ленточный станок и автоматическая площадка для сортировки и укладки распиленных досок позволяют полностью механизировать лесопильные работы.

Высоко оценено министерством научные работы студента Харьковского института инженеров железнодорожного транспорта Д. Дюба — о новом методе обработки сферических поверхностей передней и задней тележки паровоза серии СВ, студентки Одесского сельскохозяйственного института А. Лысковой — о внутрисортовом допозитивном оплении и применении его в виноградарстве, студента Литовской ветеринарной академии Л. Андриусаса — о митохондрической генетике в животноводстве, студента Азербайджанского государственного института народного хозяйства имени К. Маркса М. Багдасарова — о внедрении хозрасчета в цехи завода имени лейтенанта Шмидта и другие.

Многие интересные студенческие работы отмечены в области гуманитарных наук. Студент Казанского университета имени В. И. Ульянова (Ленина) М. Дашкевич закончил исследование на тему «Герцен, как материалист и диалектик», студент Библиографического университета имени И. В. Сталина Р. Догондзе написал труд «Пушкин в Грузии», студентка Азербайджанского университета имени С. М. Кирова А. Гусевой — «Герои Социалистического Труда в азербайджанской литературе», студент Харьковского педагогического института А. Марченко — «Образ А. С. Макаренки в высказываниях его воспитанников».

Корреспонденту «Литературной газеты» сообщили в Министерстве высшего образования СССР, что научные студенческие общества и кружки имеются сейчас в большинстве вузов страны.

НА БОЙ ЗА МИР!

«Оружия добрейшего рода» — так называл Маяковский жанр сатирической поэзии, которым сам поэт владел в совершенстве. Еще и сегодня остается сухим порою его язвительная сила дружества, помещенные под рисунками, на которых изображен плечистый красноармеец, вздымающийся на штыке томогав, намертво перепуганного буржуа.

Советская поэзия никогда не давала образцы оружия сатиры, решительно скрепящая его в схватках с любимыми врагами. Мне ясно представляется зримая московская улица, мглыстый морозный рассвет и толпа людей, ожидающих утреннего трамвая и внимательно читающих новое «Окно ТАСС» с карикатурами Кукрыникова и стихами Маршала, которые так хорошо продолжали в годы Великой Отечественной войны традицию «Окон РОСТА» Маяковского.

В один день, когда кучка мерзавцев с Уолл-стрита снова мечтает увидеть землю в крови и пожарах, когда простые люди всех стран поднимают за мир тысячи сжатых в кулаки рук, сатирическая советская поэзия должна снова занять место на переднем крае нашего искусства. Мало еще у нас пока остроты сатирических произведений — эпиграммы и плакаты, шаржей и подлидки к карикатурам, басен и фельетонов, вскрытых зловерный облик заклятых врагов человечества, фальсификов новой войны.

Вот почему так радует появление небольшого сборника стихотворений Александра Безыменского «Гневные строки». Не все, составившее этот сборник, равноценно, однако есть в нем самое главное — гражданский пафос, сатирическая острота, взволнованный воинствующий тон. Каждое из стихотворений, вошедших в книжку, было посвящено какому-то очень конкретному, злободневному факту или событию. Собранные вместе, эти фельетоны не потеряли своего значения и интереса.

Вот, например, фельетон «Две руки одного хозяина». В нем метко и зло разоблачен поэт двух английских деятелей — лейбориста и консерватора — и показывает, как бы они ни распылились с трибуны, сущность у них одна и та же. Этот стих выражен поэтом в точной канонике стихотворения:

И попробуй разберись,
Кто сегодня чей орактор!
То, что хочет консерватор,
Выполняет лейборист,
То, что делал лейборист,
Обдирает консерватор.

Кровным замыслом наших врагов поэт противопоставляет стойкую позицию Советского Союза в борьбе за мир и справедливость на земле, борьбу наших дипломатов за нерушимость устава Организации Объединенных Наций. Твердо и энергично звучит рефрен стихотворения, адресованного к простым людям всего мира:

Народ любой частями света
Имеет тоже право вето!

В заключении и остроумном фельетоне «100%» поэт высмеивает лживые материалы различных комиссий и подкомиссий, создаваемых в Организации Объединенных Наций вопреки справедливому и ясному предложению Советского Союза.

Отчет о греческих делах
Продолжали две особы:
А. Безыменский. «Гневные строки». «Советский писатель», 1949. 124 стр.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

ФЕЛЬЕТОН

Кукушка в брюках

Зовут его Павел Михайлович Бакун. Живет он в селе Воробейка, Дунаевского района, Каменец-Подольской области. Кроме фамилии, имени и отчества, человеческого у него не так-то уж много. Гораздо больше в нем от кукушки.

Известно, эта птичка обожает чужие гнезда и не любит своих гнездов. Так же действует и Бакун. Действует давно, много лет. У перелетного папаша прое детей. Живут они с матерью в Москве. В апреле прошлого года народный суд 6-го участка Щербовского района решил удерживать за Бакуна алименты. Исполнительный лист направил по месту жительства отца, переименованного в «отвечника». И вот тут он в первый раз слегка улыбнулся:

— До чего же ты, Настасья, наивная! Да разве таким манером ты с меня что-нибудь получишь? Да ни в жизнь!

К великому огорчению, слова кукушки в брюках полностью оправдались. Народный судья Дунаевского района, Каменец-Подольской области, на жалобу Анастасии Бакун быстро, без всякой проволочки сообщила: «Суд ничего не может сделать. Ответчик никуда не работает».

Но ведь кроме оулки есть еще на свете районный прокурор, юрист третьего класса тов. Витенько. Улан, что бывшая жена пожаловалась в прокуратуру, бывший муж уже не улыбнулся, а захихикал:

— Напрасно, милая, стараться, он ответит тебе юрист третьего класса по первому разряду.

И на этот раз никакая задержка с ответом не было. Написали по всем правилам по бумажке со штампом, с исходящим номером, и число поставили не по заблуждению, а по памяти, а за хихикал:

— Напрасно, милая, стараться, он ответит тебе юрист третьего класса по первому разряду.

На еемьдесят процентов — страх, На тридцать — бешеная злоба. Кто был свидетелем? Да сплошь То явный плут, то шулер мелкий! На семьдесят процентов — ложь, На тридцать — грубые подделки. Так что ж представлял комитет? Опору боссам для атаки! На семьдесят процентов — бред, На тридцать — клеветы и враки.

Иногда эпиграммы Безыменского достигают двухстрочной краткости, при этом не теряя своей выразительности и действительности. Вот отличная эпиграмма «Эхо»:

Когда в премьеры вылез Кэй, Промывал Уолл-стрит — О'кей!

В двух строках дана исчерпывающая политическая характеристика американского ставленника во Франции. Несколько строчками сделан портрет другого французского «деятели» — генерала де-Голля:

На зависть всем комедиантам, Де-Голь уседело учить розь. Стать хочет Гитлером де-Голь, — Его французским вариантом.

Мы уже сказали вначале, что в книге Безыменского стихи неровноинны. Нам кажется, что поэт достигает удачи там, где он конкретен, там, где он направляет свое оружие в определенную цель, и значительно слабее Безыменский там, где он хочет быть голосом, а не мыслью, декламацией, а не фактом. В стихотворении «Сильнее атомной бомбы» много восклицательных знаков и мало конкретных поэтических образов. На одной и той же странице поэт пишет: «вздыхаем, как светлое пламя, грозят миллионы мольчатых рук», «как пламя, пылают глаза матерей», «как пламя, пылают людские сердца». От такого переработанного и частого употребления сравнения стирается, и вы уже не можете себе представить ни рук, ни глаз матерей, ни пылающих сердец, ибо все это уравнилось одним сравнением «как пламя». В этом же стихотворении поэт пишет: «плакот любых катакомб». Я подозреваю, что «катакомбы» здесь появились, как рифма к слову «бомбы», — иначе почему бы им здесь быть? Некоторые фельетоны, вошедшие в книжку, излишне растянуты, от этого уменьшаются их доходчивость и сила. Неплохие фельетоны «К вопросу о происхождении некоторых металлов» или «Размышления о лжи» производили бы куда большее впечатление, если бы были короче. Несколько однообразным кажется ритм стихотворных фельетонов, в них преобладает четырехстопный ямб. Русской сатирической поэзии издавна свойственно богатство и разнообразие ритмов и строфических построений.

Книга Безыменского читается с интересом, как юрчица, взволнованный отклик поэта-публициста на то, чем живут сейчас люди всего мира. Следует особо отметить талантливые карикатуры Бориса Ефимова, не просто иллюстрирующие, а как бы дополняющие тексты. В припеве «Песня борцов за мир» Александр Безыменский сконцентрировал всю идею, все содержание своей книги:

На бой за мир мы двинулись походом. Наш грозный клич гремит в любой стране!

— Во имя жизни — мир народам!
— Во имя мира — смерть войне!

И лучшие стихи Безыменского, как честные солдаты участвуют в этом походе, сражаются за мир во всем мире.

На бой за мир мы двинулись походом. Наш грозный клич гремит в любой стране!

— Во имя жизни — мир народам!
— Во имя мира — смерть войне!

И лучше стихи Безыменского, как честные солдаты участвуют в этом походе, сражаются за мир во всем мире.

В БУИНСКЕ ЛЮБЯТ ТИШИНУ

Что можно увидеть из окна маленькой деревенской школы? Многие могут увидеть — правление колхоза, фермы, поля, людей с их повседневными хлопотами.

Учительница Нина Прокофьевна Петрова, однако, глядя на мир не только в узенькое окошко. Она глубоко знает жизнь родной деревни, дела колхоза «Трудовик», с которым связана вся жизнь учительницы.

Нехороши дела в «Трудовике». Он имеет много земли и очень низкую доходность. Соседний колхоз «Красный Восток» даже на маленьком земельном участке получает большие доходы.

В чем беда «Трудовика»? Почему земля его три года не удобряется? Почему колхозники не возмущаются, засучив рукава, да не подтянут свое хозяйство? Обленились, что ли?

Нет. Народ в деревне Недремаевке трудолюбивый. Но случившееся так, что управляет колхозом один человек — Василий Кириллович Петров, председатель. Без правления, без актива, без общего собрания.

Учительница не только видит это. Как член партии — единственный член партии в Недремаевке, — она после уроков идет в колхоз, беседует с людьми, зовет к активности, учит хозяйствовать.

Сидела бы ты, Прокофьевна, при своем деле, — вынужденно советует ей председатель Петров. — У тебя школа, у меня колхоз. И ведь тебе не мешало...

Л. ЛИХОДЕЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

из колхозных амбаров. И Лаукин предупреждает учительницу:

— Не вывязывайся... А то ведь этак, гляди, парбулет урошник.

Это уже открытая угроза. Нина Прокофьевна остается на своих позициях. Колхозу помочь надо, и можно помочь. Она сигнализирует в районный центр. Там знают Петрова. Его уже не раз вызывали на заседания райисполкома, слушали, журнили, даже записали в постановление, что Петров подлежит привлечению к судебной ответственности. Но не привлекали. Прислала зоотехника проверить, каковы дела в колхозе. Оказалось, что падеж скота увеличился, корма идут на сторону. Снова вызвали Петрова в Буинск, и снова постановили: подлежит привлечению... И снова не привлекали.

Привлек Петров к постановлению райисполкома. Там не обидят. А вот эта учительница... Как бы отделиться от нее? Председатель, а за ним Лаукин пытаются набросить тень на репутацию Петровой. Лаукин пустил слух, что «моральное поведение учительницы не на должном уровне». Позвонил в РОНО, сказал, что Петрова плохо учит детей и вообще не место ей в Недремаевке.

Советская учительница не испугалась и клеветы. Если райисполком не может унять Петрова, — прокурор уймёт. Вырвала из тетради двойной листок и сообщила прокурору о положении в колхозе «Трудовик».

Приехал представитель прокуратуры и выяснил, что хлеба разбазарено свыше восьмьюстами тоннами; что за племенного быка было уплачено три раза; что председатель деньги присваивал, брал со счета, а в случае не сдала; что земля не удобрялась три года; что Петров хозяйничает самовластно, нагло попирая права членов артели. Именно по вине Петрова колхоз хиреет. Все тревожные сигналы учительницы Петровой полностью подтвердились.

Но пока суд да дело... Впрочем, ни суда, ни дела не последовало. Струхнувший было Петров вновь осмелел.

— Вот мы ей, этой учительнице, покажем, мы ее отучим заглядывать на чужой двор!

Петров не стал мазать ворота школы детдом. Он придумал кое-что покруче. Петров привез несколько возов навоза и свалил его кучей перед окнами школы.

— Ночай! Такова изобретательность Петрова, такого направления мысли человека, которого критикуют во имя укрепления колхоза. Петров «отгородился» от учительницы, «отгородился» от нее деревню Недремаевку.

Учительницу и это не смущало. Ей дорог колхоз, ей дороги интересы колхозников и государства. Она поехала в район добиваться порядка.

Заведующий Буинским РОНО Шамсутдинов встретил Петрова крайне недобро. — Почему не в ладах с местным начальством? Это же несработавшая. Так продолжаться не может.

И Петрова того мнения, что так продолжаться не может. Она идет решительно вмешательству районных организаций. Шамсутдинов вмешался. Приказом по РОНО он снял с работы учительницу Петрову, снял «по сокращению штата». Теперь, мол, в Недремаевке будет тихо.

Давно пора судить Петрова за его антиобщественные и уголовные дела. Пора потребовать ответа за покровительство Петрову. Пора вызвать в Шамсутдинова за увольнение Петровой.

Никто из них до сих пор еще не потребован. Учительница с семидесятилетним педагогическим стажем осталась за бортом школы. Как мы увидели на месте, не любит в Буинском районе Татарской АССР критику, крепко не любит. Но правда на стороне Нины Прокофьевны, советского человека, коммуниста, для которой общественные интересы являются личным делом. Мы считаем, что отстранение ее от дела — грубая ошибка районных организаций, что место Нины Прокофьевны Петровой там, где она вкладывала свои творческие силы и как педагог и как неутомимый общественный деятель, — ее место в Недремаевке!

БУИНСКИЙ РАЙОН
Татарской АССР

«Жизнь, знай себе, идет и проходит...»

Г. ПЕРМЯКОВ

С легкой руки А. Веселовского и его исследователей распространился порочный взгляд на филологию, как науку чисто книжную, «академическую», оторванную от современности. Этот взгляд, как ни странно, еще и по сей пору бытует в некоторых научно-исследовательских учреждениях.

Перед нами последний выпуск «Ученых записок» филологического факультета Саратовского государственного университета. Уже из самого оглавления сборника видно, что прежде всего занимает саратовских филологов, что является основным предметом их научных исследований. Из десяти статей только одна посвящена вопросам современности. Да и та занимает лишь 9 страниц из 321. Между тем, довольно глубоким рассуждением о мировоззрении и эстетических взглядах В. Гюго посвящено 58 страниц; исследованию о плагиате Сухачева, известном в истории литературы только тем, что он присвоил стихотворения молодого, тогда еще неизвестного поэта А. Кольцова, уделено 42 страницы. Немало места отведено языку повестей XVIII столетия, народным драмам прошлых веков и другим столь же «академическим» вопросам.

Конечно, и творчество Гюго, и повести XVIII века, и народные драмы изучать нужно. И мы вовсе не намерены отрицать, что отдельные статьи сборника представляют интерес.

Привлекают внимание, например, публикации впервые обнаруженной записки народной комедии «Как француз Москву брал» и посвященная ей статья Т. Акимовой «Народная драма в новых записках». В статье Е. Покусаева «Щедрин и устное народное творчество» на анализе ранних произведений великого сатирика убедительно показано, как смелая революционно-демократическая мысль писателя придавала новое звучание традиционным фольклорным образам и речевым оборотам, насыщая их новым идейным содержанием. Отдельные плодотворные мысли можно встретить и в других статьях.

И все-таки филолог (а следовательно, и деятельностный филологический кафедр университетов, составивших этот сборник) ни в какой мере не может быть признан удовлетворительным, отвечающим актуальным задачам сегодняшнего дня. Современной тематике не уделено в нем никакого внимания.

В самом деле, вместо того, чтобы дать читателю, научному работнику исследователя по советской литературе или современному языку, его уводит в глубь веков. А иногда под видом научных изысканий ему преподносят псевдонаучные писания.

Как известно, первые произведения А. Кольцова появились в печати под чужим фамилией — их безоговорочно выдают в сборник своих стихотворений случайный знакомый молодого поэта — В. Сухачев. Об этом Сухачеве до сих пор ничего, кроме того, что он совершил бесстыдную литературную кражу, не было известно. И вот Ю. Оксман в статье «А. В. Кольцов и тайное «Общество Независимых» задается целью выяснить, что это за личность.

Путем долгих и кропотливых розысков, хитрых догадок и сопоставлений ему

удалось, наконец, узнать, что это был один из приказчиков торговой фирмы Сераго и Верани в Одессе, что родился он в г. Новомосковске, «исповедания греко-российского», принадлежит «к сословию беднейшего малороссийского общества» и отец его с 1809 года проживает в Вишневце, где занимается торговлей.

С упорством, безусловно, достойным лучшего применения, Ю. Оксман стремится возвысить Сухачева в наших глазах и доказать, что он... передовой человек своего времени. Для этого он приписывает Сухачеву «высокие личные качества», уверяет, что Сухачев не только стоял на высоте общественной мысли XIX века, но и правильно понимал задачи «политического воспитания» (подчеркнуто автором. — Г. П.) передовых кадров русской буржуазной демократии... Автор называет его человеком, который «готовил себя к большой литературной работе». А то, что все опубликованные им собственные стихи были ниже всякой критики, Ю. Оксман объясняет «слишком как нарочитую демонстрацию самим автором своей безидейности, пошлости и благонамеренности» — в целях скорейшего снятия с него позидеского надзора.

Давно установлено, что А. Кольцов находился под большим влиянием Белинского. Между тем, Ю. Оксман уверяет, что наиболее передовые взгляды Кольцова восходят совсем не к Белинскому, а к... Сухачеву!

Дальше, как говорится, идти некуда.

Образцом «академической» схоластики является названное филологическая статья В. Воробьева «Из забытой надписки саратовского русского повести XVIII века». Мало того, что объект изучения относится ко временам, давно прошедшим, сам метод исследования покрыт архивной пылью.

Точно подсчитав, сколько в каждой из повестей сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и сколько тех или иных сочинительных и подчинительных союзов, автор затем с ученым видом выражает это в процентном отношении. Он подсчет только форму предложений вне зависимости от содержания всей повести и даже без учета смысла данного предложения.

Нечего и говорить, что таким методом нельзя ни разобрать существо синтаксических особенностей повести, ни изучить тенденции языка того времени, чего В. Воробьев, впрочем, и не пытается делать. Единственный «вывод», к которому приходит автор, по меньшей мере смешотворен. Разделив в начале статьи повести на группы «с преобладанием языка книжного» и «с сильными элементами разговорно-бытового речи», он глубокомысленно заключает, что в первых — больше книжных союзов, а во вторых — больше элементов разговорного языка.

Стоило ли, однако, трудиться ради такого «вывода»?

Но, пожалуй, ярче всего отрыв от жизни проявляется как раз в той статье, которая, судя по заголовку, посвящена более близкой к современности теме. Это статья А. Лужьяненко «Семантические и лексические процессы в русском языке эпохи Великой Отечественной войны».

В годы Великой Отечественной войны русский язык обогатился большим количеством новых понятий, слов, оборотов, безусловно нуждшихся в серьезном исследовании и осмыслении.

В союжении, работа А. Лужьяненко не восполняет этого пробела. Новыми словами и выражениями автор ситает, например, такие, как «слововой удар», «на плачах противника», «оседлать шоссе», «атака захлебнулась», «милый в небе соколом летает», «звонки» и «черный ворон» (о врагах) и т. д. и т. п. Может быть, для индивидуального языка колхозника и было для русского языка, в котором эти слова в этом самом значении существуют очень давно.

Впрочем, об этом догадывается и сам автор, ибо он тут же приводит цитаты из «Слова о полку Игореве», летописей и других древних памятников русской письменности, свидетельствующих о том, что эти «новые» слова и выражения употреблялись русскими людьми уже несколько веков тому назад.

Серьезными недостатками страдает и статья Л. Баранниковой «Севернорусские элементы в говорах северо-западной части Сердобского района Пензенской области». За годы советской власти лезузнаваемо изменился облик нашей деревни. В ней возникли и утвердились новые, социалистические отношения, произошла подлинная культурная революция. Все это не могло не сказаться на языке села, на его лексике, семантике, произношении.

Но Л. Баранникова, изучая вопрос о сохранении в языке современной деревни оканья и других элементов севернорусского произношения, все свое внимание уделяет истории говора и совершенно не следуют воздействию на язык колхозников таких мощных культурных факторов, как школа, звуковое кино, радио.

Полное недоумение вызывает у читателя язык статей, помещенных в «Записках». Да и могло ли быть иначе, если его редактировал проф. А. Скафтымов, перу которого принадлежат такие выражения: «обычный обиход», «страдания драматизм падает на бедность...», «независимый аспект», «лучетич ассессуар», «средн... тширует множеством вопреки настроений...», «общий тонус бытового обихода в целом», «снети-зрющее дыхание чувства жизни в целом» и т. п. (статья «К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова»).

В своей статье проф. А. Скафтымов пишет: «Жизнь, знай себе, идет и проходит». Он хочет этим выразить отношение персонажей чеховских пьес к окружающей действительности. Но, сам того не подозревая, он дал очень верную характеристику отношения литературоведов Саратовского университета к злободневным вопросам советской литературы и языкознания. Действительно, проф. Скафтымов и его коллеги по университету что-то изучают, что-то пишут, а жизнь, знай себе, идет и проходит. Во всяком случае, в последних «Ученых записках», являющихся плодом коллективного труда саратовских филологов, не чувствуется не только «снети-зрющего», но и вообще какого-либо дыхания современной жизни.

Он перевел с венгерского цикл народных песен и стихи отдельных поэтов, с украинского — либретто оперы «Молодая гвардия» (автор А. Малышко).

«Великий путь», над которым работает Т. Семушкин, — роман о строителях Крайнего Севера, северных морях и полярниках. В основе произведения — факты некоторых героических подвигов в горах (Лос, Вацмо).

В. Попов пишет роман «Три фронта», который будет продолжением «Сталь и шпала». Оба произведения входят в задуманную писателем трилогию о Донбассе.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ

- ◆ Ф. Гладков работает над «Вольницей» — второй книгой автобиографической трилогии. Первая книга — «Повесть о детстве» — опубликована в этом году.
- ◆ Книгу рассказов и очерков «В гостях у Медведицы» — о подмосковных колхозах — пишет Вс. Иванов.
- ◆ «Поэма северных рек» — так будет называться новое произведение И. Асеева. Тема поэмы — грандиозный проект переброски вод сибирских рек в Каспийское море.
- ◆ Шесть новых песен написал М. Исаковский для кинофильма «Веселая ямар-ка».

Он перевел с венгерского цикл народных песен и стихи отдельных поэтов, с украинского — либретто оперы «Молодая гвардия» (автор А. Малышко).

«Великий путь», над которым работает Т. Семушкин, — роман о строителях Крайнего Севера, северных морях и полярниках. В основе произведения — факты некоторых героических подвигов в горах (Лос, Вацмо).

В. Попов пишет роман «Три фронта», который будет продолжением «Сталь и шпала». Оба произведения входят в задуманную писателем трилогию о Донбассе.

Он перевел с венгерского цикл народных песен и стихи отдельных поэтов, с украинского — либретто оперы «Молодая гвардия» (автор А. Малышко).

«Великий путь», над которым работает Т. Семушкин, — роман о строителях Крайнего Севера, северных морях и полярниках. В основе произведения — факты некоторых героических подвигов в горах (Лос, Вацмо).

В. Попов пишет роман «Три фронта», который будет продолжением «Сталь и шпала». Оба произведения входят в задуманную писателем трилогию о Донбассе.

Он перевел с венгерского цикл народных песен и стихи отдельных поэтов, с украинского — либретто оперы «Молодая гвардия» (автор А. Малышко).

Литературные дискуссии

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

Обзор писем в редакцию

Дискуссия о значении наследия В. Маяковского в развитии нашей поэзии вызвала большой приток читательских писем в «Литературную газету». Редакция получила свыше ста пятидесяти писем. Главное, в чем единодушно сходятся авторы этих писем, присланных из разных городов и сел нашей страны, — это утверждение огромной новаторской роли Владимира Маяковского — лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи, замечательного патриота страны социализма.

«Пишущий эти строки», — говорит участник Великой Отечественной войны колхозник Н. Панченко, — не раз ходил в бой против фашистов, бережно хранил в вещевой сумке книгу стихов Владимира Маяковского, наизусть повторяя его боевые, огненные «Стихи о советском паспорте», «Во весь год», вселявшие огромную силу и уверенность в нашей победе.

«Помните 1942 год», — пишет инвалид Отечественной войны А. Емов. — Ленинград. Блокада. Я, тогда 20-летний воин, страстно любил стихи Маяковского и полюбил навсегда. Его стихи запали в душу не мне одному, — его поэзию любят миллионы читателей, особенно поколение людей, родившихся после Великого Октября и воспитанных советской властью.

«Когда я слышу имя Маяковский, — читаем мы в письме гвардии капитана А. Ольшевского, — я невольно расправляю плечи, подымаю высоко голову, внутренне собираюсь и всегда чувствую себя в строю».

Маяковский и сегодня — верный соратник нашего народа в его трудах и боях за коммунизм.

«Сегодня, когда чертили и труны грозили развязать новую войну, советская литературная молодежь должна не только учиться у Маяковского, но и продолжать, развивать его революционные традиции, воспитывать массы в духе революционной стойкости и бдительности, как это делал Маяковский, бороться за высокую идейность и партийность советской литературы», — призывает В. Волченко, член литературного объединения при Крымском отделении ЦСН.

Вопрос, поставленный С. Кирсановым, — «Учиться ли у Маяковского?», многие читатели называют вопросом риторическим. «Он уже давно безоговорочно решен жизнью, решен историей социалистической поэзии», — пишет учитель В. Правдин.

В действительности же, вопрос в этой дискуссии поставлен так: что значит по-настоящему учиться у Маяковского, как продолжать его традиции.

«Когда ставится вопрос, учиться ли тот или другой поэт у Маяковского, — пишет старший преподаватель Ферганского педагогического института В. Мирочник, — то он решается не внешними приметами, не числом совпадающих строчек, начертанных вразброд, а чем-то значительно более важным: принципиальной общностью творческого метода и прежде всего партийностью, принципиальностью, беззаветной любовью к Родине, неустанным новаторством в содержании и в форме».

Вопрос о том, как продолжать традиции Маяковского, возник в связи с опубликованием поэмы Г. Горностая «Времлевские звезды».

Статью Ир. Питляра, критикующую эту поэму за внешнюю подражательность Маяковскому, некоторые читатели восприняли, как попытку приуменьшить значение поэзии Маяковского. Особенно резко возражения вызвали слова критика о том, что «Горностаям пытается воскресить композицию, синтаксис, ритмы и рифмы Маяковского, но, естественно, приходит при этом к совершенно противоположным результатам».

«Воскresить!.. Но разве она умрала, боевая революционная поэзия Маяковского? Разве она не звучит в наших дни?» — пишет т. Б. Баннов, Б. Глинский (Москва), Б. Мессерер, А. Писецкий, Г. Аванов.

Мы помним и гневную «Индийскую балладу» (перевод В. Державина).

И не только этими стихами определяется большая и серьезная актив поэзии Турсун-заде. Но я хотел бы сказать несколько слов в укор поэту. После многих его замечательных стихотворений, дочитав «Две дороги», я перевернул страничку с живописным титульным листом и прочел драматическую поэму «Тохира и Зухра» в переводе С. Геродского, написанную в духе восточных (именно «восточных») легенд. Она слащава, напыщенна, и было очень обидно читать эту стихотворную сцену из жизни разнесчастных шахских влюбленных дочерей в сборнике такого замечательного советского поэта. Все в этой легенде трафаретно, примитивно. В биографической справке, приложенной к стихам, сказано, что поэт «на основе фольклора создает драматическую музыкальную поэму «Тохира и Зухра». Однако известно, что и из фольклора надо черпать критически и критически перерабатывать. Этого в поэме нет. Принципы Зухра любит воспитанника шахов — Тохира. Влюбленные узнают, что шах уже выразил согласие на их союз. Но тем не менее шах разлучает Тохира и Зухру. Декорации: «Весна. Луна освещает цветы, тополя и кипарисы роскошного сада...»

Цитирую из монолога влюбленной Зухры: «Хочу, чтоб страсти пыл Тайком меня томил...»

Зухре являет Тохира: Ты мне милее, чем душа, Как луны лик, ты хороша... Вот свирепые восклицания шаха: Прочь с глаз моих, чтоб гнева меч Презренной головы не обросил с плеч!

И, наконец, прощание Тохира с Зухрой: Цветок свой сладостный, Зухра, ты заширай и береги!

Я, как тольпан нераспустившийся, плененный, ужою.

Эта поэма стоит в сборнике, как чужая. Может быть, это усугубляется переводом, но старинная орнаментальная образность и законченный традиционный стих в этой вещи существуют уже в наши дни, в развитии народа.

Надо сказать, — пишет далее А. Абрамов, — что вообще тема «Маяковский — великий русский национальный поэт», в сущности, и не ставилась в нашем литературоведении. По зато как много говорилось о «западных связях» Маяковского! Уитмен, Верхарн, Рембо, Корбьер и много-много других больших, малых и совсем мизерных западных поэтов приклеивались к гигантскому имени Маяковского в качестве наставников, у которых он якобы усваивал науку стиха. Живая жизнь, жгучее негодование против капиталистических «хозяев жизни» — вот что вызвало к жизни творчество Маяковского. И на этом пути лучшими учителями его были Пушкин, Некрасов, Шедрай, Горький!»

Сходные мысли высказывают и другие читатели.

«Я очень люблю поэзию Маяковского, — пишет студент Московского института химического машиностроения Л. Болбов, — но я не согласен с тем, что можно и должно признавать только тех поэтов, которые воспроизводят форму стихов Маяковского. Когда я, например, прочитал стихотворение Михаила Исаковского «Одинокая гармония», его волнующая патетичность и музыкальность поразили меня. Какие задушевные, простые, трагические сердце, певучие строки. Нет, такие поэты, как М. Исаковский, А. Твардовский, С. Шипачев и другие, внешне не похожие на Маяковского, — это тоже наши любимые советские поэты, и никому не удастся поспорить с ними читателем.»

И я благодарен Ал. Суркову, который возразил С. Кирсанову в его попытке отвергнуть коллективный опыт других советских поэтов, убедить нас, советских читателей, любить Маяковского, что мы во имя Маяковского должны любить и признавать только тех поэтов, которые воспроизводят форму Маяковского».

Об этом же говорят в своих письмах студент Московского государственного педагогического института Ф. Юрченко, студент Московского государственного университета П. Юшин, А. Репин (Москва) и другие.

В некоторых письмах — токая В. Бухарина (Москва), слушателя Военно-политической академии им. В. И. Ленина Я. Захарова, студента И. Бродовского приводят примеры пренебрежительного отношения к творческому наследию Маяковского со стороны отдельных литературных работников, стремления как бы «отлучить» поэтическую молодежь от учебы у Маяковского.

Многие читатели указывают на слабую разработку наследия Маяковского в трудах наших критиков.

«Путь к двадцатой годовщине со дня смерти Маяковского, — пишет фельдшер И. Рогодинов, — наши исследователи дадут новые серьезные работы о вкладе Маяковского в развитие русской и мировой поэзии и о том, как сегодня Маяковский работает и сражается вместе со всем советским народом на подступах к коммунизму.»

Любовь к Маяковскому, твердая уверенность в том, что советские писатели должны продолжать традиции его замечательного, боевого, партийного творчества, звучат во всех письмах. Хорошо сказано об этом инженер А. Илюдин и капитан И. Улинов (г. Одесса). «Возьмите альманахи, газеты и журналы последних лет. Прочтите десятки тысяч горючих, взволнованных строк, посвященных Родине, народу, партии, и перед нами встанет величие и сила Маяковского, непреходящее значение его наследия.»

Там, где неустая схоластика, где мертвые образы, где личный замкнутый мирок, там нет Маяковского! Там то, с чем до конца жизни воевал Маяковский! Там, где слова от сердца, где источник вдохновения — любовь к своему народу, там учитель — Маяковский!»

Когда национальная форма поэзии обогащается новым содержанием и сама прогрессирует, она становится новой национальной формой. Если же такого обогащения и развития нет, форма остается старой, устаревшей, хотя бы ее применял новый поэт. Тут надо вспомнить слова В. Гафузова, секретаря ЦК КП(б) Таджикистана:

«Крупным недостатком в творчестве наших писателей является также не критический подход к освоению классической литературы. Нельзя забывать, что многие таджикские классики творили 800—1000 лет назад. Сленовое подражание классикам является шагом назад.»

«Иногда подражание доходит до смешных и недешевых сравнений: юсы женщины сравниваются со змеями, липо уподобляется луна, глаза — резным газелям, ресницы — копытам, брови — лукам.»

Помещение «Тохира и Зухра» в сборнике Турсун-заде хочется считать случайностью, ошибкой, допущенной при составлении книги. Кестественным был бы посыл «Духа дороги» стихи и поэмы о социалистическом Таджикистане, о его конкретных делах, о его стремительном движении вперед.

В книге Мирзо Турсун-заде немало стихов о Таджикистане, о его людях. Оставиваяют на себе внимание такие вещи, как «Певестя из Москвы». Одна из любимых тем поэта — братская дружба с русским народом. Но и в таких стихах нет и встречается «легкие газели», «сад Гуандана», «соловьиногласный», разговор «слова» с «срозой», «сладостный аромат» и т. п.

Всю эту, уже отжившую образность поэт уснчно преодолел в стихах об Индии. Эти стихи стали важным событием нашей большой советской поэзии. Такие вещи способны и «моря переплывать», и передаться океану. Лучнее в книге Турсун-заде показаны, что этот крупный советский поэт обладает уже всем, чтобы создать новаторские произведения о социалистическом Таджикистане. Будем с нетерпением их ждать.

Мирзо Турсун-заде. «Илбраһим». Госиздат Таджикской ССР, 1949, 160 стр.

Семен КИРСАНОВ

ПОЛЕТ ПОЭЗИИ

Передо мной — книга Мирзо Турсун-заде в переводе русских поэтов. Она издавалась в столице Таджикистана — Сталинабаде, на ее корешке — тиенный золотом национальный орнамент. Этот же орнамент украшает страницы книги и словно входит в поэтическую ткань. Важно то, что заставший в орнаментальной симметрии рисунок цветка в стихах Турсун-заде превращается в живой, качающийся от ветра тольпан. Переводчики приложили много труда и таланта, чтобы передать национальные черты таджикской поэзии, и это сделано с особой тщательностью в таких стихах, как «Никогда» или «Расцветает».

Пристально рассмотрев стихов Мирзо Турсун-заде показавшие нам, что поэт, не порывая своей связи с классикой, создает новую национальную форму таджикской поэзии, приближаясь к современным требованиям, предъявляемым к поэзии. В последних стихах его переход из мира условной образности и устаревшей тематики к новому образному мышлению так свет, что не написать об этом нельзя.

Казалось, нужны были века, чтобы преобрести расстояние между древней поэзией Фирдоуси и современной советской, угрешенной в будущее передовой поэзией мира!.. Вероятно, еще в сентябре 1917 года такое показалось бы несбыточным. Но этот прыжок осуществлялся благодаря нашей сталинской национальной политике, полноте дружбы и взаимопомощи братских народов. За короткий срок таджикский народ создал свою новую социалистическую поэзию, которая не только уравнивает пример русской передовой поэзии, но и сама начинает показывать отличные примеры.

Меня поразили новые стихи Мирзо Турсун-заде, которые он написал о своем путешествии в Индию. Одно из них — стихотворение «Две дороги» (перевод С. Липкина) своей новизной, стремительностью движения, силой напряженностью образов, большой мыслью вызывает по-

мимо всего еще и товарищескую зависть. Это настоящая, движущаяся, живая поэзия. Это рассказ о полете из Индии на родину:

Мы летели отсюда, где солнцем душа не согрета, Мы летели на родину, в сторону счастья и света.

Турсун-заде наделяет пролетаемое пространство образами истории. Его самолет, летя над горами и пустынями, летит и над временем, над прошлым.

Мы летели над черной дорожкой бед и пороков, Над путем фараонов и ветхозаветных пророков.

Рассказ поэта исполнен такой убеждающей стремительности, что чудится, будто и сам ты вешься над черным камнем Кааба на спине сказочного гигантского жаяба!

Мы летели, и нам открывались равнины Мекки, Ассирийские идолы и вавилонские реки.

Но трезвая и реалистическая строка от мысли о шехеразадовском джине возвращает нас к действительности под серебристым крылом самолета:

Я взглянул на стеклянную даль, на ребристые скалы, И за жемчуг увидел я бой, за цветные металлы.

Красоты земли и небес и воспоминания истории не заглохли туманом взор поэта.

Попирается правда, и совесть, и честь, и свобода, Разгорается битва у мощного нефтепровода.

Далеко он простерся, теряясь в пределе туманом, Запах нефти, как облако, движется над океаном...

И если вы взглянете в эти две строчки, вы поймете, что они могли быть написаны только в небе, в полете, — таков рисунок терпящегося вдали нефтепровода и повиснувшего нефтяного облака. В эзотические названия входят сухие, как

шестел доллар, слова — «Стандарт-обла», «нефть», «шпичниковая сетка». Поэт, которому в полете как бы все открыто и видно все, с горечью обличает:

Ты несчастен, Ирак, ты заключен в банкирскую смету, И гора преступлений сама пошла к Магомеду.

Я вспоминаю, что в какой-то из старинных арабских сказок читал о волшебном алмазе. Повернув его грань, можно было увидеть другие страны, события, понять смысл событий, узнать мысли людей. Каждая строка «Дух дороги» — это будто поворот грани такого сказочного алмаза. Поэт вооружен новым зрением — это взгляд на мир советского человека. Реалистическое, глубинное зрение Турсун-заде содействует углублению поэтичности его стихов. Поэзией наполнен не только пейзаж земли, над которой несет самолет. Поэтичны горечь поэта, его гнев. Высокая поэзия в его невинности в подлости колонизаторов. Тяжелое настоящее лежит под самолетом...

Мы летели по небу, как луч светозарный и ранний, Как пестры, после желтых пустынь, поселения в Ирае!

Совершенне техника здесь, — сразу видишь ты это: Тупхона, тегеранская площадь, асфальтом одета, Нажимается кнопка — усяля большого не надо — Поднимается виселица, как посланница ада.

Кончат дело палач, — нет его тонора старомодней, — И скрывается виселица под землей, в преисподней, И опять тегеранская площадь асфальтом одета, Чтобы мог правозерный палач отдохнуть до рассвета...

Эта одна деталь освещает нам весь кровавый строй шахско-подариканского Ирана. И, несмотря на то, что такое нельзя увидеть с самолета, все же кажется, что именно так, именно в полете увидена площадь Тупхона! Я должен признаться, что для меня, привыкшего к анализу действия стихов, остается тайной, как это

Крушение американской политики в Китае

О. ПРУДКОВ

Китайский народ ликует! Долгие годы он боролся за свободу и независимость и теперь празднует победу. Правда, остатки гоминдановской клики еще пытаются действовать, еще Г. Ачесон мечтает продолжать агрессию, но враг в основном разбит, в древнем Пекине торжественно провозглашена Народная республика Китая и образовано Центральное народное правительство. Созданы условия для строительства нового народно-демократического Китая. Народный политический консультативный совет — организация демократического единства фронта, объединяющего широкие слои китайского населения, — уже наметил программу широких демократических преобразований.

Первые три дня октября объявлены праздником в честь создания Центрального народного правительства Китая. Этот праздник китайского народа совпал с Днем мира. И миллионы простых людей во всех частях земного шара с радостью отметили 2 октября, что лагерь мира и демократии стал еще могущественнее.

Последние события в Китае в корне изменили всю военную и политическую обстановку в стране. Обосновавшаяся в Кантоне кучка продажных политиканов, палачей китайского народа, лишенная какой бы то ни было опоры среди широких масс, перестала осуществлять власть в государстве. Реакционный режим американского вассала Чан Кай-ши рухнул. Отныне единственным законным представителем китайского народа является Центральное народное правительство Китая.

В бредовых планах американских агрессоров Китай всегда играл важную роль. Их привлекало не только богатство этой страны и ее обширный рынок сбыта. Этогоalone стратегическое положение Китая сулило, казалось, неограниченные возможности для дальнейшей американской экспансии в Азии. Имperialистические круги США в течение более полугода грубо вмешивались во внутренние дела Китая, пытаясь с помощью китайской реакции стать полноправными господами страны. Всплывшая история этих попыток с удивительным динамом изложена в недавно опубликованном официальном документе — «Белой книге» государственного департамента США.

Американские империалисты — специалисты по ограблению колониальных и зависимых стран, желая урвать свою долю добычи, провозгласили доктрину «открытых дверей» в Китае для всех государств. Не раз империалисты США вступали в пологую сделку с японскими милитаристами за счет китайского народа.

Одна из задач, к осуществлению которой стремился американский империализм во второй мировой войне, — это установление полного и безраздельного господства в Китае. Чтобы расчистить путь для колонизации страны, уничтожить препятствовавшие этому силы демократии и прогресса, американские империалисты использовали пролажную, антинародную клику гоминдановских реакционеров во главе с Чан Кай-ши.

Намерения империалистических кругов США и устремления китайских реакционеров полностью совпали. Чан Кай-ши меньше всего заботился о борьбе против японских захватчиков, его в первую очередь волновала борьба против собственного народа, которого он боялся. Генерал Стилуэлл в изданной им книге «Записки» отмечает, что «Чан Кай-ши не имеет никакого намерения предпринять дальнейшие усилия для ведения войны» (против Японии. — О. П.).

США послали в Китай генерала Хэрли, наказав ему всеми силами поддерживать Чан Кай-ши. Что касается войны с Японией, то это дело второстепенное, этим Хэрли мог заняться на досуге...

Приклянувшись «свободистранством по средствам», генерал Хэрли принял участие в переговорах между Чан Кай-ши и командованием Народно-освободительной армии. При этом он добивался — ни много, ни мало! — ликвидации Народно-освободи-

тельной армии. Пытаясь запугать командование народных войск, американский генерал отказал им в военной помощи, несмотря на то, что именно они вели основные бои против японских захватчиков.

Однако хитрость и коварство американского генерал-дипломата разбился о бдительность руководителей армии китайского народа. Мистер Хэрли не оправдал надежд Уолл-стрит и был отозван. Его сменил более крупный зубр — генерал Маршалл.

Маршалл тоже начал с «посредничества». А тем временем за кулисами осуществлялся грандиозная программа снабжения и реорганизации гоминдановских войск. Согласно официальным (но, разумеется, неподлинным) данным, приведенным в «Белой книге», помощь, оказанная в те дни американцами Чан Кай-ши, достигла 3 миллиардов долларов. Благодаря рапорту генерала Маршалла Чан Кай-ши смог начать осенью 1946 года военные действия против Народно-освободительной армии.

Казалось, миссия генерала Маршалла принесла желаемые результаты. Но, как всегда, американские империалисты попытались сесть за стол, не спросив разрешения у хозяина. Временные успехи гоминдановцев сменились постоянными и все более тяжелыми поражениями. Китайский народ стойко боролся за свою свободу и наносил режиму Чан Кай-ши удар за ударом.

В июле 1947 года американские монополисты послали к «нераспутным» нанкинским слугам «ревизора» для обследования административных, экономических, финансовых и иных дел — генерала Ведемейера. Пробыв в Китае, генерал довольно быстро установил весьма плачевное состояние дел. Он представил доклад Вашингтону, в котором потребовал оказать гоминдановцам «быструю и достаточную помощь под наблюдением американских специалистов в конкретных военных областях».

Генерал очень неодобрительно высказался по поводу административных талантов гоминдановцев. Рассуждал он, видимо, так: конечно, самое лучшее было бы просто установить американскую администрацию в Китае, но это, пожалуй, слишком рискованно, предложу-ка я пока ограниченный план. И предложил... передать Маньчжурью под «опеку» в рамках ООН, иначе говоря, под «опеку» США.

Однако самое интересное в его докладе — оценка стратегического значения Китая. Бойкому перу генерала Ведемейера принадлежат следующие замечательные строки: «...Китай, дружественный или союзный Соединенным Штатам, предоставит не только важные авиационные и военно-морские базы, но и с точки зрения его размеров и людской силы будет важным союзником Соединенных Штатов». Другими словами, г. Ведемейер милостиво отводит Китаю роль плацдарма в будущей войне, а китайскому народу — роль лучшего мяса.

Таковы отдельные факты американской агрессии в Китае. Они со всей очевидностью показывают, что империалистические круги США полностью разделяют с преступной кликой Чан Кай-ши ответственность за разжигание гражданской войны в Китае. Крушение гоминдановского режима — это одновременно крушение военных и стратегических планов американских агрессоров. Позорно провалились попытки трюманов и ачесонов при помощи долларов и оружия вмешаться в борьбу китайского народа против гоминдановских предателей, провалились жалкие попытки с помощью своего гаулейтера Чан Кай-ши закабалить свободный народ Китая. Провозглашение Народной республики Китая нанесло жестокий удар лагерю поджигателей войны, возглавляемому США.

В заключение, полезных для себя выводов из этих фактов руководители американской политики не делают. Соревнуясь

в твердолобом упорстве со своим духовным учителем по агрессии — Черчиллем, г. Ачесон вновь повторяет (в который раз!), что правительство США намерено «поощрять такое развитие событий в Китае, которое будет содействовать ликвидации некоммунистического влияния».

Подстрекаемые г. Ачесоном гоминдановские шавки, ныне никого уже не представляющие, выступили, как известно, на прошлой неделе в Нью-Йорке IV сессии Генеральной Ассамблеи ООН с клеветническим, провокационным заявлением об «узур» независимости и территориальной целостности Китая и миру на Дальнем Востоке. Цель этой провокации ясна: поднять шумиху, направленную против СССР, и таким образом скрыть факты широкого американского вмешательства во внутренние дела Китая, скрыть подлинные причины банкротства Чан Кай-ши и американской политики в Китае.

Гоминдановская клика включена усиленно делегации США в повестку дня сессии, хотя эта американско-гоминдановская клевета о мифическом «вмешательстве» Советского Союза в китайские дела давно разоблачена самим г. Ачесоном. Обратимся к письму государственного секретаря президенту Труману. В этом письме, предпосланном «Белой книге», г. Ачесон меланхолично заявляет, что неприятный для США результат «гражданской войны в Китае находится вне контроля Соединенных Штатов. Ничто из того, что делала или могла сделать в разумных пределах своих возможностей наша страна, не могло изменить этот результат... Это был продукт внутренних китайских сил, сил, на которые наша страна пыталась, но не смогла повлиять. Решение было принято в самом Китае».

Весьма ценное признание! По существу, г. Ачесон объявил во всеуслышание, что негосподствующий дух воли китайского народа оказался сильнее американских пуля и долларов. И в этом заключается главная причина того, что раздумным надеждам мистера Ачесона и его боссов не было суждено сбыться. Государственному секретарю остается лишь соскучиться, что победило «решение, принятое в самом Китае», а не решение, принятое на Уолл-стрит! Тем не менее у гоминдановских банкротов и их американских кровопийц хватало наглости лгать и клеветать с трибуны ООН.

Больше всех кричит и бешется по этому поводу мистер Джексон. У него есть особые основания гордиться: Джексон, оказывается, как сообщила недавно газета «Нью-Йорк геральд трибюн», по поручению государственного департамента разрабатывает «позитивную политику» в отношении Китая. Если верить газете, комиссия г. Джексона в основном занята глубокомысленными размышлениями на тему о том, как пустить на ветер очередные 75 миллионов долларов, выделенные конгрессом на «помощь» гоминдановскому Китаю. На этот раз предполагается вручить эту сумму некоему американскому главному консультанту, которому надлежит вести «борьбу за Азию».

Англо-американские империалисты, потерявшие жестокий крах в Китае, видимо, все еще надеются приостановить рост национально-освободительной борьбы азиатских народов путем объединения в агрессивном тихоокеанском блоке реакционеров всех мастей. Тщетные надежды!

Какая бы грязная возня ни поднималась на Генеральной Ассамблее ООН вокруг антисоветской клики кантонской клики, очевидно одно: американским империалистам не удастся вложить жизнь в прочинивший и рассыпавшийся гоминдановский режим, все их новые планы «помощи» Китаю разделят позорную судьбу старых планов. Образование Китайской народной республики и создание Центрального народного правительства Китая, уже признанное Народной республикой Китая, уже признанное Советским Союзом в качестве единственного законного правительства всего китайского народа, является событием, которое привнесет в мир лагерь мира и с которыми господам империалистам — хотят они того или нет — придется считаться.

ЗАГОВОР ПРОТИВ НАРОДА

Альберт МАЛЬЦ

Много месяцев прошло с тех пор, как Дж. Парнелл Томас восседал во всем своем великолепии и от имени конгресса «раскассывал» коммунистические тенденции в области кинематографии США. Ныне мы уже имеем возможность подвергнуть его деятельности анализ в широком плане. Если отбросить всю претенциозную шелуху этого «раскассывания», то нам станет ясно, что оно собой представляло посяжение на гражданские права не только десяти человек (речь идет о десяти прогрессивных сценаристах, привлеченных к ответственности за «незаконность»). — Ред.), но и всех тех, кто работал в области кинематографии.

В наши дни, как уже неоднократно бывало в истории Америки, вновь организован заговор, целью которого является как можно сильнее ущемить права американского народа.

Методы этого заговора чрезвычайно просты; они состоят в том, чтобы путем ничтожного использования искусственно созданной «красной опасности» запугать и обогатить граждан до такой степени, что никто уже не посмеет критиковать политику, проводимую людьми, временно находящимися у власти. Если эта цель будет достигнута, то слуга народа станет хозяином над народом, запуганное население нашей страны будет вынуждено молчать, и наша конституция окончательно станет бессмысленной и смехотворной бумагой.

Мы собирались здесь сегодня для того, чтобы выразить протест по поводу запрещения моей книги «Путешествие Саймона Маккверра». Это запрещение само по себе было недостаточным основанием для митинга, если бы все дело этим и ограничивалось. Американская культура, американская кинематография и гражданские свободы нашего народа не пострадали бы из-за конфискации одной моей книги. Если бы все дело этим и ограничивалось!

Эта книга была запрещена на основании постановлений, которые в значительной мере расширили уже существовавший «черный список» из десяти фамилий. Эти десять человек были подвергнуты проверке со стороны «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» в октябре 1947 года только потому, что их политические взгляды расходились с установками члена конгресса Томаса и его коллег. И когда эти десять человек были занесены в «черный список» и лишены элементарного права зарабатывать себе на хлеб, двадцать тысяч других деятелей кинематографии автоматически получили ясное предупреждение: «Остерегайтесь! Проявите осторожность в мыслях и высказываниях: будьте осторожны и относитесь с подозрением к организациям, в которые вы вступаете; ваши гражданские права теперь ограничены; отныне ваше право на труд зависит от того, что вы думаете и как вы действуете».

Это расследование и «черный список» послужили уроком для всего американского народа. Если среди учителей, юристов, врачей, профсоюзных деятелей или ученых

Эта статья представляет собой сокращенную стенограмму выступления известного американского прогрессивного писателя Альберта Мальца на митинге, организованном в связи с запрещением его книги «Путешествие Саймона Маккверра».

«СТРАНА ЖИВЫХ ТРУПОВ»

Под таким заголовком американский журнал «Тайм» поместил описание одного из кварталов города Чикаго, известного под названием Сквид-Роу.

Слово «Сквид-Роу» стало в Соединенных Штатах нарицательным понятием и служит для обозначения американского «дня». Грязь,хлам, битые бутылки, зловоние помоек, тела пьяных бродяг, валяющиеся прямо на земле, — вот картина, характерная для Сквид-Роу.

Репортеры американской газеты «Дейли Ньюс» посетили в Чикаго 46 ночлежных домов, где в тесных клетушках, кишмя кишимых насекомыми, они застали 12.413 бродяг, обитающих в Сквид-Роу.

Корреспондент журнала «Колерс», обехавший большое число городов США и повсюду обнаруживший одну и ту же картину, пишет: «Сквид-Роу — это открытая тюрьма для людей, вся вина которых состоит только в том, что они бедны».

Десять миллионов неграмотных в США

Перед нами брошюра, озаглавленная «Пути просвещения в Соединенных Штатах». Эта брошюра, составленная на основании официальных американских данных и изданная Международным студенческим союзом, свидетельствует о том, что система народного образования в Соединенных Штатах находится в тушке.

«Скул лайф», официальный орган американского департамента просвещения, вынужден был недавно признать, что число неграмотных в Соединенных Штатах достигает десяти миллионов человек. В то же время, как сообщает «Скул лайф», шесть миллионов мальчиков и девочек лишены возможности посещать школу.

Преподвание находится в руках совершенно некавалифицированных людей, получающих крайне мизерную зарплату и пенализируя свою профессию. «Школьные ведомства», — говорится в брошюре, — не имеют возможности найти учителей, которые согласились бы работать за ту жалкую зарплату, какая может быть им предложена. Далее в брошюре указывается, что квалификация «более чем ста тысяч учителей не соответствует нормам, установленным самими Штатами».

В американской школе «пыльным претом» распустилась расовая дискриминация. Речь идет не только о том, что дети «цветных» граждан имеют крайне ограниченные возможности получения образования. Даже в стабильных учебниках нередко содержится прямые выпады против представителей национальных меньшинств. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщает, что в ряде учебников содержится «оскорбительные выражения по адресу китайского, японского и филиппинского народов и ссылки на их расовую неполноценность».

Неудивительно, что школы, предназначенные для негров, находятся в состоянии полного упадка. Они размещены в совершенно непригодных для этой цели помещениях.

Земля бесправия и нищеты

Газета «Дейли уоркер» сообщает о катастрофическом положении миллионов «свободных» фермеров на юге Соединенных Штатов. Эти люди арендуют обрабатываемые ими клочки земли у крупных землевладельцев, которые зверски эксплуатировали их, вводя за аренду половину собранного урожая. За предоставленные фермерам сельскохозяйственные орудия и жалкие жалания, хозяева удерживают большую часть оставшегося урожая.

Фермеры, которые вместе со своими женами и детьми тратятся от зари и до глубокой ночи, вынуждены жить в среднем на 270 долларов в год, в то время как по последним подсчетам американских буржуазных экономистов приличный минимум в США ныне составляет 4.000 долларов в год.

Миллионы этих фермеров-арендаторов, как пишет газета, прозябают в неопытной нищете. Ужасные жилищные условия, антисанитария и хроническое недоедание приводят к исключительно высокой заболеваемости. Среди фермеров встречаются сыпной тиф и малярия. Но только одна десятая процента больных имеет возможность попасть в больницу.

«Дейли уоркер» подчеркивает, что все эти труженики совершенно бесправны и вечно зависят от произвола крупных землевладельцев и банков, с которыми те связаны.

П. КОМАРОВ

После тяжелой и продолжительной болезни умер талантливый поэт Дальнего Востока — Петр Комаров.

Безвременно ушел из жизни молодой художник, своеобразное поэтическое дарование которого особенно развернулось за последние 5—6 лет.

Основные книги П. Комарова вышли в Основы Великой Отечественной войны. Они посвящены труду и борьбе советских людей на Дальнем Востоке, естественным богатствам и природе замечательного края.

Петр Степанович Комаров родился в 1911 году в деревне Босов Крестенского уезда, Новгородской губернии. Отец его был рабочим Кулотинской брезентовой фабрики, мать — сортировщицей пшеничной мажор фабрики в Парихино.

В 1918 году семья переехала на Дальний Восток, где рос, учился, проходил школу жизни и школу записки будущей стихотворца.

С 1929 по 1939 год П. Комаров работал в газете Дальнего Востока: «Набат молодежи», «Тихоокеанский комсомолец», «Стальник», «Тихоокеанская звезда», а перед войной и в годы войны — в журнале «ЛАС» и в Хабаровском отделении ТАСС. П. Комаров член ВКП(б) с 1943 года.

С полнотой требовательностью к себе работал П. Комаров. Читая его стихи, ощущаешь и прелесть суровой северной природы и благородство характера советского человека — труженика, воина, землепроходца. Содержательные и искренние стихи Петра Комарова много говорят и уму и сердцу читателя. Особенно обаятелен П. Комаров в лирике. При этом лирика его не беспредметна, не сентиментальна, а наполнена горячим дыханием современности, согрета крепкой любовью к Родине, к родному Приамурью.

Люди, любящие поэзию и близко знавшие П. Комарова, как прекрасного товарища и незаурядного поэта, надолго сохранят его светлый образ в своей душе.

А. Караваяев, Б. Горбатов, А. Софронов, А. Твардовский, Н. Грибанов, А. Жаров, П. Антокольский, В. Ажарев, С. Васильев, П. Нилан, Н. Силоренко, А. Карцев, П. Фатеев, К. Седых, А. Коваленко, С. Кожеников, Г. Марков, А. Ольхов, И. Лужевский, И. Молчанов-Сибирский, А. Смердов, Г. Кунгуров.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, П. ПРНИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Декаденты — лакеи реакции

В. РУБИН

Джон Леман, редактор английского декадентского альманаха «Орфейс» («Орфей»), разоблачен на советских критиков, позволивших себе неосторожно отозваться о первом номере альманаха. В предисловии к вышедшему недавно второму номеру этого мало почетного издания он мечет бутафорские громы и молнии против «московских доктрин социалистического реализма», объявляя усащивая свои «теоретические» рассуждения грубыми антисоветскими выпадами. Очередное словозвержение этого реакционного демгога едва ли заслуживало внимания, если бы не одно обстоятельство. Оказывается, Леман обещал не только за себя. Он, видите ли, решил выступить «в защиту» Шекспира, Вордсворта, Шелли и Китса.

В «Литературной газете» подверглись критике рассуждения Д. Лемана о том, что искусство должно быть не реалистическим, а «отвлеченным», «потусторонним» — «византизм», по его выражению. Критика пришла Д. Леману не по вкусу. И теперь он делает вид, будто критические замечания обращены против классиков английской литературы.

Нет смысла полемизировать с господами леманами, но позволительно спросить их: кто упоминал их выступать от имени Шекспира и Шелли? Что общего между этими великими художниками и литературными ничтожествами, представленными в альманахе «Орфейс»?

Для выяснения того, чем же обогатил мир эти новоявленные наследники Шекспира, приходится вновь обратиться к их декадентскому альманаху, ставшему, по словам его редактора, целью «утверждать дух лирики и воображения вопреки материализму».

В своем предисловии Д. Леман повторяет избитую песенку о том, что его альманах «ищет вечные источники красоты, а не занимается политическими драмами момента». Он вновь и вновь клянется в вер-

ности «чистому искусству», что не мешает ему, разумеется, прибегать к грязнейшим политическим инсинуациям, почерпнутым из арсенала гоббельсовских фальсификаторов и клеветников.

В качестве ближайшего помощника и главного теоретика Леман привлек к своему изданию другого поборника «чистого искусства» — писателя Рекса Уорнера, занимавшего в 1945—1947 годах пост директора Британского института в Афинах и пропагандировавшего «чистую» английскую культуру в то время, как солдаты генерала Скоби расправлялись с борцами за независимость Греции.

Статья Уорнера, начатая в первом номере «Орфея» и озаглавленная «Европейский дух в литературе», отличается той особенностью, что в ней все поставлено с ног на голову. Автор делает вид, будто он не замечает беспримерного хозяйничанья американских колонизаторов в странах Западной Европы. Главную опасность, грозящую «европейскому духу», Уорнер усматривает в другом: в науке. Во всех бедах виноваты ученые, поучает Уорнер, и поскользнувшись на них, можно скорей.

Уорнер лицемерно прикидывается наивным протестом, не понимая, что в использовании научных открытий во вред человечеству повинна прежде всего кучка завесивших претендентов на мировое господство.

Разумеется, на самом деле этот лемановский «теоретик» не так уж наивен, и сентенции против научного прогресса подавались ему лишь для того, чтобы отвлечь внимание читателей от той реальной опасности, которая грозит Европе и всему миру со стороны англо-американских поджигателей войны, и приписать все зло «научному мышлению».

Что касается литературы, то ее задачи в данный момент, по определению Р. Уор-

нера, сводятся к одному: «Литература и искусство, — пишет он, — если они хотят сохранить свой европейский дух... должны заниматься исследованием всего ненормального и загадочного».

Этому мудром совету и следуют поэты и прозаики, сотрудничающие в «Орфея» и объявленные Леманом наследниками Шекспира.

Лидиан Лайен в безвкусных и надуманных виршах рассказывает о своих снах. Ей снится, что «лиса, попавшая в блестящую сверкающую ловушку неба, кусает себе ноги». Попутно эта лиса грызет сердце самой поэтессы, и последняя, «крича от боли», ошущает на своем языке кровь означенной лисы... Все это мало разумительно, но зато «ненормально и загадочно» — то есть вполне соответствует канонам «европейского духа» в трактовке Рекса Уорнера.

Поэт Теренс Тиллер в «Осенней пастораль» повествует о «тайне плоти», о «звонах смерти», «хрусте листьев».

Все эти поэты, как и редактор альманаха, демонстрируют подерживая свою неприязнь к реализму, утверждая превосходство формы над содержанием. Но тут перед нами поистине полное сочетание содержания и формы: убожество содержания вполне гармонирует с убожеством формы. Образы случайны и произвольны (например, «наступила сна со звездными пальцами» или «воздух, подобный телу купальщицы», и т. д.). Стихи напоминают дурную прозу.

Декларирруя, что превыше всего они ставят мастерство формы, эти «мэтры» предлагают читателям набор надуманных метафор, хаотическое нагромождение нарочито усложненных фраз, цветистых и вычурных эпитетов, призванных прикрыть пустоту и ничтожность содержания и подную литературную беспомощность их авторов. Миф о формальном мастерстве этих выродителей «византистского искусства», усердно создаваемый буржуазной критикой, рушится, как карточный домик, при первом же прикосновении к ублюдочным творениям соратников Джона Лемана.

Подать поэзии и проза альманаха. Та же претенциозность и мнимая значительность, пустота и бессодержательность.

В «Вечере рамадана» Джордана Сегера герой повествования, молодой араб попадает в общество некоего француза, в лице которого автор пытается описать, оклеветать облик революционеров. Француз слышит своего юного знакомого, призывая его за бокалом вина «свергнуть иго Франции и Америки и захватить средства производства». Кончается все это очень скверно для юноши: собственный брат с кучей родственников безжалостно избивают его за то, что он пьянствовал и вдобавок «свернулся». Так автор предостерегает «наивных туземцев» от общения с «зловонными антарктидами». Этот грязный пасквиль написан с точки зрения туземного и озлобленного колонизатора, издающегося над идеями национально-освободительного движения угнетенных народов.

С воспоминанием разнузданных сексуальных инстинктов в стихах и злобствованиями колонизаторов в прозе отлично уживаются проповеди мистицизма в стихах на литературоведческие темы. Норман Никольсон в статье «Образы в моей поэзии» поучает читателей, что поэзия входит прежде всего в компетенцию бога, ибо основное для каждого предмета — «это то, что он означает по отношению к богу».

Таков букет «галаток», собранных Джоном Леманом под сенью альманаха «Орфей». И эти пигмеи возмнили себя великанами!

Надо сказать, что «Орфей» не один на литературной арене Англии. Мы уже не говорим о журнале «Хорайин» («Горизонт»), этом пристанище космополитизующих эстетов, вымалывающих податки у американских «меченатов» и поющих из номера в номер хвалу «американскому веку».

Но вот перед нами собрат «Орфея», по видимому, также претендующий на роль «продолжателя» Шекспира, — альманах «Нью роуд» («Новый путь»). «Новый путь», который это издание собирается указать английской литературе, оказывается при ближайшем рассмотрении все той же старой, исколженной тропинкой дека-